

Роман Шилов

**МАРШРУТ
415**

18+

Роман Шилов
Маршрут 415

«Автор»

2023

Шилов Р. А.

Маршрут 415 / Р. А. Шилов — «Автор», 2023

У каждой истории должно быть своё начало. «Маршрут 415» - первая книга из цикла «Дневники Екатерины», повествующая о космической карьере Екатерины Басистойой. Главная героиня Екатерина расскажет историю о том, как она попала в космос, насколько сурова реальность и опасна жизнь. «Маршрут 415» взвесит, насколько сложна судьба человека. Ведь как далеко не залетел бы человек, он всегда берёт с собой алчность, интриги, предательство и всё то, от чего он бежит с Земли. Никакой технический прогресс не заменит сущность человека.

© Шилов Р. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

I	5
II	9
III	13
IV	20
V	25
VI	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Роман Шилов

Маршрут 415

I

Худощавый мужчина, похожий на сушёную воблу, взял горячий кофе из кофемашины, перебросил через свободную руку пиджак, и медленно, наслаждаясь прекрасным утром, зашагал к себе в кабинет по залитому солнцем холлу. Демонстративно наклонившись к стаканчику с кофе, он глубоко вдыхал кофейный аромат, не торопясь приступить к распитию содержимого. Идиллию нарушила борода, которая резко зачесалась. Борода была с редкими седыми волосами, ровно подстрижена и охватывала губы в плотное кольцо как крепостной вал кремля. Вполне возможно, ему просто показалось, что она зачесалась, а потерев её захотелось исключительно машинально, так сказать, по привычке. Без её поглаживания он никогда не мог сосредоточиться. Из-за отсутствия свободных рук он поспешил к себе в кабинет, где, поставив кофе на стол, сразу разобрался с бородкой. Затем он сел в кресло и подвинул к себе лежавшую на столе жёлтую папку с названием «Галактическая западня».

Этим мужчиной был кинорежиссёр и продюсер Кирилл Брюсов. На его счету была одна очень удачная картина, с которой он дебютировал, одна полуудачная картина, с которой продолжил свою карьеру, и огромное количество средних работ, по оценке ближе к неудачным, которые накопились за предыдущие годы. Кирилл Брюсов мечтал снова взорвать мир искусства, как он уже однажды сделал это с дебютной картиной «Холодный день – горячая ночь» в жанре драматического боевика. Основной сюжет картины заключался во вкусно поданной общественной проблеме по налаживанию отношений между людьми разных стран после непродолжительной военной компании. Кирилл как наркоман, желающий воспроизвести первый кайф, пытался как минимум повторить, а как максимум затмить свой успех. Но раз за разом ничего не выходило. Картины получались средней паршивости, о чём коллеги боялись говорить ему напрямую, но он и сам понимал.

– За что?! За что?! – постоянно обращался он к высшим силам с вопросом, подразумевая, что кто-то, управляющий всем мирозданием, несправедливо лишил его таланта.

В поисках успеха он с головой погрузился в странные, как бы сказали артхаусные проекты, после чего совсем пропал с больших экранов. Чуть не спившись и дав себе обещание больше не заниматься искусством, он поселился в глухом лесу на месте старого детского лагеря, перебравшись туда со всей семьёй и организовав там свою виллу. Впрочем, детям такое уединение с природой быстро надоело, и они свалили в город.

Отказаться полностью от искусства, того, что ему нравилось, естественно, не получилось. Он пытался что-то писать, но ничего толкового не приходило в голову. Так Кирилл решил, что талант покинул его навсегда. Начав разводить домашний скот и созерцать природу, он быстро пришёл сначала к унынию, а потом в ярость, чувствуя себя от пяток до лба колхозником. Каждый день, выходя на улицу и надевая одежду, которую было не жалко применять по хозяйству, он ощущал, как тупеет и деградирует. Вечером он компенсировал это состояние, переодеваясь в свой любимый костюм серого цвета с легкой замашкой на отлив, давно уже не видевший ничего, кроме шкафа и каминного зала. Кирилл наливал себе виски и деловито расхаживал по гостиной как на светском рауте, изредка заглядывая на кухню для поддержания чревоугодия. В эти моменты в нём исчезали повадки деревенского мужика и возвращались движения, свойственные только человеку большого искусства. Правда, картина эта была неполноценна по причине отсутствия туфель. Кирилл щеголял в носках, изредка в сношенных тапочках. В гости к нему приезжали в основном только близкие друзья. Коллеги по цеху его сторонились, им не

нравилось отсутствие в поместье Кирилла прислуги и богато обжитого убранства. Всё в его поместье было самобытно, как в деревне, поэтому коллеги не могли понять, где им фотографироваться и в каком образе публиковать своё времяпрепровождение в социальных сетях.

Относительно отсутствия прислуги нужно отметить, что многие яркие представители актёрского мастерства, имея огромный талант, в противовес этому не понимают и не умеют справляться с житейскими вопросами. Для них нахождение у Кирилла без сердобольных горничных и кухарок превращалось в экстрим. Именно за это Кирилл презирал многих своих коллег. Он, напротив, любил всё делать сам. Пусть криво, но зато сам. Мысль завести прислугу никогда не приходила ему в голову. Даже если бы прислуга появилась ниоткуда сама по себе, то он бы всё равно относился к ним как подопечным, требующим заботы. Кирилл начал бы их лишней раз оберегать, параллельно мучаясь, придумывая им поручения и обязанности. Без прислуги Кириллу было свободнее, он не чувствовал себя скованным и обязанным перед кем-то.

Его супруга Анна терпеливо выжидала, балуя его кулинарными изысками, прекрасно понимая, что её муж долго в такой атмосфере прожить не сможет. Она усердно училась готовить, совершенствовала блюда, в общем, тратила всё свободное время на изучение поварских тонкостей. Её мечтой было открыть своё кафе после возвращения в город. И она, никогда не ошибавшаяся в своём муже, была права. Через год они уже снова перебрались в столицу киноиндустрии. Кирилл, ещё раз нарушив данное себе обещание не заниматься больше искусством, начал заново карабкаться на Олимп, расталкивая локтями наглую молодёжь, смакующую, как он считал, часть его лавр.

Подъём в гору богов был сложным. Вернувшись из добровольного заточения в селе, Кирилл долго не мог найти работу. Несмотря на его прошлые успехи, ни одна кинокомпания не готова была взять его к себе. Кирилл не унывал, регулярно ходил на собеседования и встречи. Иногда ему предлагали многообещающие варианты, но за такие крошечные деньги, что, согласившись на это, он понимал, что уничтожит всю оставшуюся свою репутацию моментально и она грохнется как выведенный из строя космический аппарат на океанское дно. Были и такие предложения, где хотели только бесплатно воспользоваться его именем, не дав даже притронуться к творческому процессу, просто указать в титрах. Взамен обещали, что после точного успеха картины в будущем ему предоставят всё, что он только попросит. На такие явные мошеннические схемы он тоже не соглашался. Деньги на жизнь у него были. В эти моменты Кирилл хвалил себя за то, что не расточителен как другие его коллеги. Вдобавок его радовали успехи жены, кафе которой пользовалось спросом. Название кафе имело что-то общее с их фамилией «Брюссо». Завтракал теперь он исключительно вместе с женой у неё в кафе. Кирилл мысленно, уже заблаговременно согласился, что, оставшись не востребованным, пойдет работать к жене даже простым официантом. Что говорить, после каждого безрезультатного собеседования его охватывало отчаяние. Один раз он попал на собеседование к своему, как он считал, не самому плохому другу – Дмитрию. Дмитрий встретил его с распростёртыми руками, сыпля комплименты в его честь, светясь от радости, якобы вызванной исключительно появлением Кирилла, что на самом деле было обычной доброжелательной бутафорией чувств. Дмитрий провёл Кириллу экскурсию по своей творческой студии кинокомпании «Годус», разговаривая в таком тоне, будто дело трудоустройства Кирилла уже решено. Словно Кирилл уже работает за неплохие деньги на пустующей должности руководителя одной из творческих студий кинокомпании. Не стоит более говорить про данные обещания Дмитрия, так как всё это было обычным балаболством. Непривычно было думать так о словах человека, которого считаешь как-никак другом. Дмитрий пропал со всеми своими обещаниями. Впрочем, Кирилл не сильно расстроился. Наоборот, внутри него что-то закипело ещё больше, и он яростно желал утереть Дмитрию нос! Естественно, в профессиональном смысле, а не в кулачном поединке. После долгих поисков он устроился на планетарный канал «Земной» руководителем докумен-

тального отдела. Поначалу Кирилл отнесся к этой должности скептически и согласился только потому, что считал её ключом к более влиятельным знакомствам. Но потом заново открыл свои способности и с головой погряз в визуализации и подаче исторических фактов разных лет. Сначала он занимался короткими по продолжительности документальными заметками, которые крутились в эфире канала, напоминая о каком-то важном событии дня. Потом он запустил хорошую серию полноценных документальных фильмов. Кирилл не сразу понял, что так увлекало его в работе. Ему казалось, что творческий потенциал, осевший илом на дне озера, всплыл заново, взбудоражил всю воду, всё пространство вокруг себя. Постепенно он осознал, как ему нравится работать с киборгами, оживлять с помощью них давно умерших людей, придумывать им мимику и манеры. Самое главное, что в этой работе всё полностью зависит от него, а не от зажавшегося актёра. Кирилл вымучивал всю свою команду, заставляя поправлять долесекундные мимические изменения лица киборгов, которые ни один зритель никогда бы отдельно не заметил. Но работа с такими мелочами в результате заканчивалась потрясающим общим результатом. Естественно, его труд был замечен, и Кирилл был награждён соответствующими телевизионными наградами. Кстати, именно на вручении этих наград он встретился с Дмитрием, который без зазрения совести разговаривал с ним, будто никогда ничего не обещал Кириллу и не пропадал из его жизни в самый сложный момент. После успехов в документалистике ему начали предлагать работать над эпизодами популярных сериалов, потом вдогонку впахнули кураторство над ток-шоу выходного дня.

Снова сев на коня, Кирилл почувствовал творческие силы для полнометражного фильма. Как ни странно, но помогла ему в этом казавшаяся сначала совсем неинтересной работа в документалистике. Там он почерпнул столько удивительных историй, что про каждую ему хотелось снять полноценный фильм. Было ощущение, что он просто завален идеями. Но мало было пересказать факты, которые могли бы лечь в основу сюжета, для полноценной картины нужно оживить давно ушедших из этого мира героев, придумать им мотивацию и угадать с характерами. Написать диалоги, которые, став крылатыми фразами, разлетелись бы по всей Земле, а лучше – по Галактике. Да и отличный сценарий – это всего лишь половина дела, а может, даже четверть. Даже самый лучший сценарий надо уметь поставить, надо «попасть в яблочко». Нужна сильная картинка, и желательно, чтобы кадры из неё разлетелись мемами по всей Земле, а лучше – Галактике. Нужна мастерская игра актёров, конечно, их можно заменить киборгами, и скорее всего, получится круто, но это не принято среди полнометражных фильмов. Как-никак, закон «Живого труда» никто не отменял. Так положено – если снимается полный метр или серьёзный сериал, то они снимаются преимущественно с живыми людьми.

Вернёмся в кабинет Кирилла, повторно покоровшего Олимп, но не добравшегося ещё до вершины, как он сам считал. Кирилл любил утро. Причём, не всегда помнил тот момент, как полюбил его. В детстве и юности он обожал ночь и ненавидел день. Как-то со временем ночь его отпустила, как девушка, которая без скандалов и сцен просто говорит, что уходит, без извинений, тихо исчезает из жизни. Теперь у него было утро, которого он ждал с большим предвкушением, так как оно ему всегда дарило большой интересный день.

Кирилл приводил свои мысли в порядок, попивая кофе, и не торопился будить компьютер. Только заслышав постоянно нарастающие звуки в коридоре, сигнализирующие о присутствии коллег и начавшемся рабочем дне, Кирилл лениво подал звуковую команду и над письменным столом засветился парящий в воздухе голубой шар. Кирилл попросил шар открыть почтовый ящик, и шар тут же развернулся в экран электронной почты. Кирилл ознакомился со списком входящих писем и вслух пискнул от удовольствия. Со стороны даже можно было наблюдать, как он в этот момент радостно подпрыгнул на своём стуле.

Кириллу пришёл ответ от Екатерины Викторовны Басистойой. Екатерина Викторовна была одной из выживших свидетельниц событий, разыгравшихся полвека назад. Эти события были заложены в сценарий «Галактическая западня», тот самый, что лежал сейчас перед ним.

Екатерина никогда не давала интервью и на все вопросы излагала скупую фразу: “Всё, что от меня требовалось, я рассказала компетентным органам”. Происшествие было самым рядовым даже для наших дней: научная экспедиция отправилась на изучение магнитной аномалии и не вернулась, точнее вернулась, но не вся. Никто даже бы не придал значение таким событиям из-за огромного количества похожих катастроф, если бы не неожиданный подтекст. Трагедия вошла в историю Земли как день борьбы с космическим пиратством. Экспедиция, по официальной версии, подверглась вероломному нападению пиратов. Неофициальных теорий гибели было предостаточно: от конспирологических теорий о том, что экспедиция попала в зону военных учений, до фантастических о встрече с внеземными разумными существами. Большому количеству догадок и версий было единственное объяснение – отсутствие каких-либо документов, находящихся в свободном доступе. Даже в разделе “Пилотирования” Космической библиотеки никаких подробных сведений о катастрофе не было, если не считать несущественную короткую справку. Все события скупно подтверждались парочкой свидетелей, в том числе Екатериной Викторовной. В погоне за славой к описываемой катастрофе частенько возвращались конспирологи и журналисты, окутывая историю всё новыми и новыми выдуман-ными фактами, и идеями. Кирилла привлекала в этой истории магия, по которой люди ни с того ни с сего завораживались достаточно банальной историей. Сколько погибло экспедиций?! Сколько за космическую эру человечества было аварий и катастроф значительного масштаба?! А людям по-прежнему интересно то, о чём ничего не известно. Кроме этого, был и политический подтекст, так как Космическое представительство Земли выбрало дату этой катастрофы в качестве праздника – “Дня борьбы с космическим пиратством”.

Кирилл, сняв в прошлом году неплохой документальный фильм на эту тему, попал в точку, подогрев интерес публики к таинственной и сверхъестественной истории. А потом Кирилл на шару предложил руководству снять на эту тему полнометражное кино. Руководство не просто поддержало идею, а предложило снять целый сериал с привлечением самых популярных звёзд. Творческая группа во главе с Кириллом была озадачена написанием сценария. Кирилл уже придумал основную сюжетную линию и сделал раскадровку главных сцен. И тут Екатерина Викторовна выступила с телефонным интервью, где на вопрос журналиста о достоверности документального фильма Брюсова ответила негативно. Сказала, что в поданном материале правдива только трагическая концовка. После этого интервью руководство канала стало торопить Кирилла со сценарием, рассчитывая подогревать интерес зрителей назревающим скандалом. Но пропитавшийся духом документалистики Кирилл не мог просто взять и перевернуть всю историю, доверившись лишь своей фантазии. Страх перед судом истории, который может настичь в старости, а самое страшное и после смерти, заставлял Кирилла растягивать работу над сценарием. И он раз за разом открывал черновик «Галактической западни» на произвольной странице. Читал первый попавшийся абзац и рассуждал, могло ли так быть на самом деле. Параллельно, терзаемый своей нерешительностью соврать, Кирилл направил запросы в различные архивы, государственные органы и, естественно, самой Екатерине Викторовне. Ей Кирилл написал, что не хотел задеть её чувства и снял документальный фильм исключительно для того, чтобы герои тех событий не канули в лету. И если он где-то и наврал, то не самовольно, а из-за банальной нехватки информации. Кирилл любезно просил Екатерину Викторовну рассказать, как всё было на самом деле, а ещё лучше – стать консультантом, естественно, за немалое вознаграждение.

Получив ответ от Екатерины Викторовны, он ожидал увидеть отказ, но в душе молился, чтобы она всё-таки согласилась. Открыв письмо, он вслух пискнул от удовольствия, и всё также малозаметно подпрыгнул на своём стуле. Екатерина Викторовна приглашала его к себе на обед. Просто чудесное утро!

II

Екатерина Викторовна жила в загородном доме на побережье Горьковского моря в Нижегородской области, что в центральной части России. Этот дом Екатерина Викторовна купила уже под старость, когда практически перестала летать. До этого Екатерина Викторовна налетала какие-то сумасшедшие расстояния и где только не бывала.

Екатерина Викторовна по праву считалась лицом эпохи, всей новой свободной эры космонавтики. Она попала в число немногочисленных космонавтов, которым удалось под конец карьеры вернуться на Землю. Так бывает, что человеческий ресурс космонавта иссякает далеко от Земли. И вернуться домой на Землю или другую родную планету по медицинским показаниям уже просто невозможно.

Хотя Екатерина в свои преклонные годы уже не летала, её ценили за опыт, привлекали к организации некоторых экспедиций. У неё часто брали интервью, она любезно принимала у себя дома журналистов, хотя про космические приключения, в том числе и то, что интересовало Кирилла Брюсова, она рассказывала сухо и мало.

Кириллу до дома Екатерины Викторовны было около одного часа полёта. С головой погружившись в работу на телевизионном канале, Брюсов редко выезжал за пределы ул. Ватутина, г. Санкт-Петербурга. Он всё ещё не верил в положительное разрешение мучающего его вопроса. Кириллу казалось, что Екатерина Викторовна должна встретить его с серьёзным лицом и скандалом. Он представлял её скупой и серьёзной женщиной, одетой в грубую лётную робу. Заразившись в кругу коллег духом соперничества и колкости, ему хотелось как-то культурно нахамить, так сказать, отплатить Екатерине Викторовне за критику его документальной картины.

Автопилот вывел аэрокар Кирилла в тропосферу Земли, где развил максимально разрешённую скорость, и начал прокладывать путь к Горьковскому морю. Аэрокар то увеличивал, то снижал скорость, чтобы расходиться с другими аэрокарами в тропосфере.

Полёт прошёл незаметно. Пользуясь свободным временем в дороге, Кирилл Брюсов надиктовал на свой смартфон интересующие его вопросы для Екатерины Викторовны, тезисы и возражения, которые возможно было применить в беседе.

Приземлившись на площадке средних размеров, выйдя из аэрокара, Кирилл отметил яркую растительность вокруг посадочной площадки. Площадка была по периметру обсажена цветущими розами. Наверное, даже во всей Голландии роз было меньше.

Кирилла встретил экспедиционный киборг – обычный труженик далёких людских колоний, представляющий из себя человекоподобное существо на гусеничном ходу вместо ног. Киборг дружелюбным роботизированным голосом по космическому протоколу осведомился, как прошёл полёт, уточнил, есть ли необходимость в медицинской помощи и устранении технических неполадок. Услышав отрицательные ответы, киборг попросил следовать за ним. Кирилл отметил этот непривычный роботизированный голос. Его киборги так не разговаривали. Они говорили голосом профессиональных актёров или специальных программ. Роботизированный голос киборгам был подарен неспроста. По мере развития робототехники человек перестал визуально отличать киборгов от людей. Этим стали пользоваться криминальные представители всего мира. Киборгов в виде человека стали использовать, нарушая квоту на живой труд, и в различных мошеннических схемах. Тогда все задумались, как защитить хомосапиенса от обмана. В итоге все производители приняли единый протокол о наделении киборгов роботизированным голосом и размещении на его внешней оболочке светодиодных индикаторов. Индикаторы должны были размещаться на видных местах и покрывать не менее пяти процентов поверхности робота.

За розами, цветущими по периметру площадки, показались другие клумбы с цветами. Пройдя около сотни метров, они вошли в тень сосен и свернули в сторону берега. Киборг привёл Кирилла в беседку, похожую на гостевой домик, расположенную прямо на откосе береговой линии. Из этой беседки открывался один из прекраснейших видов на уходящее в горизонт Горьковское море.

Кирилл зашёл в беседку и сразу заметил Екатерину Викторовну, сидевшую в кресле около камина. Екатерина Викторовна, несмотря на свой возраст, выглядела потрясающе. Кирилл давно заметил, что возраст возрастом, а если женщина ухаживает за собой, то она прекрасна в любом возрасте. Опрятность, доброта, харизма и любовь к себе – то, что ценил Кирилл в людях. Надо же! Он представлял её вредной, дряхлой старушкой, брызжущей слюной. А перед ним жизнерадостная женщина, которая, наверное, даже ходит на свидания. Это не было обманчивым впечатлением первой встречи. Кирилл давно убедился, работая в документалистике с киборгами, что качества человека отпечатываются на его лице на всю жизнь.

– Кирилл, здравствуйте!

– Добрый день, Екатерина Викторовна!

– Ох, давай без лишних фамильярностей. Будем на «ты», давайте отвыкайте.

– А давайте!

– Угощайтесь, пожалуйста, вареньем, сама варила, из дикой груши. Все расхваливают, а я даже не знаю, врут или действительно вкусно... Интересно послушать твоё мнение. Мне лично самой очень заходит. Чай? Кофе?

– Чай, он у Вас, наверное, тоже особенный?

– Ха! Ну как особенный, покупной. Я лично листья не собирала. Обычный чай, но точно не синтетический суррогат, если ты про это.

– Можно зелёный?

– Да, конечно! Робби! – обратилась она к киборгу. – Сделайте нашему гостю зелёный чай!

– Слушаюсь, – ответил киборг своим роботизированным голосом и в подтверждение своих слов один раз моргнул нательными светодиодами зелёного цвета.

– Кирилл! Давай сразу к делу. Думаю, что времени нам понадобится много. Все прекрасно знают, что на интересующие тебя темы я не разговариваю, но тебе повезло. Мне уже не хочется уносить с собой в могилу все свои приключения. Кроме этого, я пережила определенных лиц, которых могла подставить своими мемуарами. А потому сейчас без зазрения совести могу открыть тайны. Сил терпеть враньё и каламбур вокруг всех этих событий больше нет. Спасибо вам! Честно говоря, это вы меня подтолкнули к этому решению.

– Секретность снята?

– Да её никогда и не было. По крайней мере, я ничего не подписывала, кроме соглашения о коммерческой тайне. Но срок её действия вышел несколько десятков лет назад. Космические полёты сами по себе являются очень непростой работой. Каждый полёт индивидуален. В целом полёт проходит, как смесь банальной бытовухи и работы на вредном производстве, поэтому многие космонавты и не любят рассказывать про это. Полёт, который интересует именно Вас, оставил целый рубец в моём сердце. Когда полёт заканчивается, рассуждаешь так: “Было и было! Зачем ещё рассказывать кому-то?! Коллеги поймут без слов, а остальным и со словами не объяснить”. А то, что вы жалуетесь на отсутствие документов в Космической библиотеке, так это, наверное, только из-за того, что её тогда вели неохотно. В те годы первоисточником информации были, в основном, разные частные архивы, корпоративная переписка, которая со временем потерялась.

– Я так понимаю, Вы готовы выступить консультантом в нашем сериале?

– Нет, нет! Никаких вот этих креслокрутских совещаний и бестолкового потерянного времени.

– Мы можем предоставить сценарий на ознакомление и Вы, ты внесешь в него нужные поправки. Это можно сделать дома.

– Кирилл, я давно уже мечтаю издать свои мемуары. Но с литературной точки зрения я не подкована. Честно, между нами, все эти рвения по написанию мемуаров я считаю проявлением одного желания – сделать напоследок в жизни такое, чтобы тебя помнили. И я не лишена этого желания, как и другие смертные люди. Мне хочется, чтобы после меня остался след. Да. Кроме этого хочется, чтобы след остался и о тех многих людях, с которыми меня столкнула судьба. О тех, кто канул в космическую бездну, поэтому у меня к Вам есть такое предложение. Уж поверьте мне! Мне есть, что рассказать! Давайте вы будете, так сказать, автором моих мемуаров?

– Простите, но это как?

– Я набросала текст, но он далёк от идеального. Некоторые места, на мой взгляд, не совсем связаны, и, наверное, постороннему человеку многие вещи будут не ясны. Мне нужен толковый человек, который сможет отредактировать и причесать написанное мной.

Робби принёс чай в необычном глиняном чайнике, потемневшем от времени, и любезно, насколько мог своими резкими движениями, не адаптированными под человеческую пластику, разлил напиток по кружкам.

Екатерина отвернулась куда-то за спину и в следующее мгновение протянула Кириллу свою рукопись, сшитую фиолетовым скоросшивателем.

Кирилл привстал, чтобы аккуратно взять её из рук Екатерины, и немного поклонился в знак благодарности выраженного ему доверия.

– Но одно условие! – Екатерина немного прикашлянула, поправляя голос. – Мне бы хотелось, чтобы потом мои мемуары были в бесплатном доступе. Так что вы мне ответите на это?

–

Бесплатно?

– Да! Не хочу зарабатывать на этом... На воспоминаниях...

Кирилл слегка отвернулся и заметно поморщился. Работа, которую предлагала Екатерина, была очень кропотливой. Ради неё следовало отказаться от других проектов. Но он уже не раз убеждался, что не всегда и не всё делается ради денег.

– Екатерина! Мне нужно подумать... Поймите меня правильно, мне очень хочется, но нужно полноценно осознать объём работы и наличие моих возможностей.

– Конечно-конечно... Я вас не тороплю с ответом, если не считать только мой преклонный возраст, – пошутила Екатерина. – Будем считать, что переговоры состоялись! Давайте отметим их! Это один из моих любимых зелёных чаев «Иван многолетний». Его делают здесь, неподалёку есть небольшое производство. Чай спрессован в маленькие звёздочки. Когда его завариваешь, звёздочки разворачиваются в полноценные листья. Глядя на этот процесс, я думаю, что созерцаю какое-то волшебство. Словно видишь, как просыпается природа весной. В космосе часто не хватает этих мелочей и приходится их чем-то заменять.

Пока Екатерина рассказывала про чай, Кирилл внимательно листал мемуары, поддакивая своей собеседнице. Ему было неловко из-за того, что сейчас его больше интересовали мемуары, а не сама Екатерина Викторовна. Но он ничего не мог с собой поделать. Чтобы не обделять хозяйку своим вниманием, Кирилл преодолел себя, хлёстко захлопнул мемуары, как будто уже ознакомился с ними. Затем решил поддержать беседу и озвучил первые пришедшие в голову мысли:

– Я год назад только вернулся в город, до этого проживал в деревне. Проще говоря, жил среди ёлок, почти один. Эх, мне бы там такой вид как у Вас.

– Только ради этого вида я и купила этот участок. Какой простор, какая воля! – продолжала Екатерина, наблюдая, как Кирилл снова открыл мемуары и начал читать их беглым взглядом. – Удивительно, как природа влияет на живущих среди неё людей. Кстати, синонимов

слова «Воля» нет ни в одном языке галактики, кроме Русского языка. Я раньше не понимала, что это такое. И только оказавшись на этом берегу, я поняла полный смысл этого слова. Ты уезжал в деревню на отдых?

– Хуже! Решил всё бросить и перестать снимать совсем, – оторвавшись от мемуаров, признался Кирилл в своём творческом кризисе.

– Да, последние Ваши картины не сильны. Но нельзя, это просто незаконно, чтобы каждая работа была шедевром. Что мы люди тогда будем обсуждать? Скучно будет жить...

– Вы смотрели мои фильмы?

– Конечно, не все, но многие. Мы все “шляющиеся” сейчас и бывшие космонавты – большие киноманы. А как нам ещё себя там развлекать?! Кино в космосе незаменимо. Если народа на борту много, то можно и дебаты устроить, обсуждение. Отдых в деревне удался, набрался сил?

– Получается, что так. Да и какой из меня крестьянин, не могу я на земле работать. Едешь в магазин за продуктами или кормишь гусей, а в голове... А в голове идеи, как бы вот это снять или то! А вечером вроде хочется отдохнуть, а приходишь в себя уже сочинившим четверостишие. Ну вот решил вернуться и ничего не переискивать в себе. Всё найдено, всё найдено уже давно. Делать надо то, что нравится и как умеешь. А земля, огород – это не моё!

– Да Вам ещё рано с землёй возиться. – Екатерина улыбнулась Кириллу, дав понять, что пошутила. – Нужны победы. А к земле все приходят, и чаще после пятидесяти. У нас столько штурманов и техников под пенсию устраивало на кораблях теплицы и оранжереи. И не важно, живёт человек на Земле или полжизни летает, а под старость начинает радоваться проросшему семечку, появившемуся листочку.

– Вы сами сажали розы? Те, что у вас в округе?

– Я бы соврала тебе, если бы не сказала, что мне помогал Робби. А так сама. Как все удивляются, прилетая в гости, когда они цветут. Обожаю розы. На планете А1-Д13 есть сорт роз, который цветёт круглый год, представьте только! Красивые мои розочки?!

– Очень необычно, аромат сносит голову.

– Вы так просматривали мои мемуары, случайно не определились с ответом?

– Знаете. Я согласен, буду с вами работать. По самой рукописи всё хорошо, но есть один момент...

– Какой?!

– Вы написали о себе в третьем лице. Это не плохо и не хорошо, но... – Кириллу было неудобно критиковать начинающего писателя, хотя, на его взгляд, это и было объективным.

– Так, так, продолжайте. Не думайте, я не обижусь.

– Людям надо дать чёткие границы представления о вашей персоне. Люди должны знать о вас всё с самого детства. Кто родители, какие привычки, детские страхи... Всё это сближает читателей с автором. Это классика написания мемуаров. А вот когда мы, то есть вы расскажете о себе, тогда можно вставлять истории из полётов, в том числе эту. Нарратив, действительно, в некоторых местах не мешало бы изменить, но в целом всё здорово. Вот, пользуясь случаем, ты готова сейчас рассказать мне, кто такая Екатерина Викторовна? И мы сделаем из этого что-то вроде вступления.

– Конечно, если только у вас есть время.

– Сколько угодно, диктуйте! А я буду записывать!

III

В юности я была очень скромной девочкой. Настолько скромной, что постоянно ходила с косичками. Мои родители хоть и жили вместе, но душами они были в параллельных мирах. Видимо, и мыслями тоже. Меня не удивило, что как только я съехала от них, они спокойно разошлись. Они выражали глубокое спокойствие, что больше не надо заставлять себя жить вместе: ребёнок вырос, теперь можно жить отдельно, на свой вкус.

Училась в обычной школе на дистанционном обучении и достаточно хорошо. Каждый день угол моей комнаты превращался в учебный класс. Я с большой охотой занималась по всем предметам, и для меня было диким слышать от сверстников, что кто-то не выбирал больше одного предмета в период. Заниматься по всем предметам было не обязательно. Но мне было интересно погружаться в один предмет за другим. К тому же моё обучение всегда было тайным оружием родительского перемирия. Как только родители начинали ругаться, я садилась за учёбу, показывая всем своим видом, что они мешают мне заниматься. В конце каждого периода обучения по каждому предмету был итоговый тест, а в конце школы – экзаменационные тесты. Только после получения аттестата я узнала, что была всего лишь в сотне из десяти тысяч ребят с моего района, выбравших более десяти предметов для изучения.

Жили мы в двухкомнатной квартирке, в одном из тысячи одинаковых домов не самого благополучного Машинного района, на сороковом этаже. Надо сказать, я редко спускалась на улицу, только при важной необходимости. Да и особо этой необходимости выходить куда-то из дома у меня в детские годы не было. Как и наши соседи, еду и всё прочее мы покупали с помощью курьерской доставки. Ежедневно к нам на балкон залетал дрон со всем необходимым.

Мама была дизайнером и всё время, что я её помню, сидела на кухне с чашкой кофе за графическим редактором. Вот папа любил гулять и часто уходил из дома. Он был волевым человеком и совсем не боялся ездить по всему дому, даже на нижних прокуренных и пропитых этажах он себя чувствовал спокойно. Один раз мы с ним пошли гулять по лестнице нашего дома и, только спустившись на один из нижних этажей, мне уже стало плохо при виде грязи. Видимо, пол там не мыли месяцами. Спустившись ещё ниже, мы встретили огромное количество мужчин, пьющих и курящих прямо в холле. Некоторые из них, как спящие поросята, лежали на полу, посапывая. Мне было жутко и противно. А мой папа смело здоровался с ними за руку и обменивался шутками. Ещё ниже я увидела холл, пол которого был вымазан засохшей кровью. И вот тут у меня началась истерика вместе с подошедшим рвотным рефлексом. Оставив свой след на полу, мы поехали на лифте к себе в квартиру. Представьте, какой я была неженкой. И как меня только занесло в космонавтику?!

В свободное время я зачитывалась старыми книгами, оставшимися от бабушки и бабушки. Они покупали очень много книг, больше для антуража, чем для чтения. Некоторые книги вообще до меня ни разу не открывались. Это я определяла по характерному хрусту обложки. В основном, книги были про однотипные приключения в космосе со счастливым концом. О том, как люди открывали на далёких планетах станцию за станцией, организовывали свои колонии и государства. Как жили люди, лишённые цифровизации и земного быта. Я зачитывалась ими уже в другом углу своей комнаты. Это был импровизированный читальный зал. Родители тоже сидели по своим углам и дистанционно работали, изредка кидая презрительные взгляды друг на друга. Зато они расплывались в улыбке, когда в поле их зрения появлялась я. Несмотря на свои противоречия, родители любили меня больше всего на свете.

Закончив школу, я сама неожиданно для себя поступила в старое училище на бывшей соединённой территории, поставив галочку напротив понравившейся аббревиатуры РКУОСГП (Рядовое Космическое Училище обеспечения связи Галактических Полетов). Нам, закончившим школу, можно было выбрать только одно учебное заведение из представленного списка.

Если не поступаешь в него, то можешь выбрать ещё одно. И так до тех пор, пока не попадёшь на беспроигрышный вариант, куда брали всех, – “Курсы о взрослой жизни”. Эти курсы включали в себя небольшое количество лекций по менеджменту, юриспруденции и экономике. Поступала я всё так же дистанционно. Направила свой аттестат, потом со мной поговорили по веб-каналу. Задавали какие-то вопросы. Я уже не помню, какие были вопросы, но отвечала я смело, применяя не столько знания, полученные в школе, а информацию, полученную мной из доставшихся по наследству художественных книг про космические приключения. Мне кажется, я даже параллельно в этот момент играла в популярную тогда игру «Звездочёт». В ней надо было ловко управлять машинкой, уворачиваясь от препятствий, и собирать звёздочки. Выбору профессии я не придавала никакого значения. А потому родителям о сделанном мной выборе я, естественно, ничего не сказала. Не думала, что это настолько серьёзно, что потом мама даже записала это в предательства. Хотя, родители тоже ничего у меня не спрашивали. Мама за меня уже выбрала путь, видев меня своей дочкой навсегда. Так, она обучала меня премудростям дизайна с самого детства. Иногда даже я ей помогла по работе.

И вот в один прекрасный день мне пришло письмо о зачислении меня в Рядовое Космическое Училище Обеспечения Связи Галактических Полетов. Родители были безумно рады и горды за меня, пока не дочитали письмо до слов «очная форма обучения, 2 (два) года». Мама сразу заревела, а папа крепко обнял нас обеих. Чтобы мы не видели его слез. А я даже не понимала, что такое очная форма, откуда столько непонятных чувств. Потом состоялся серьёзный разговор и на меня начали давить. Понемножечку мама нажимала, приводя аргументы о том, что мое обучение в РКУОСГП – это очень плохая идея. Я не соглашалась с ней. Мой детский ум воспринимал этот разговор как игру в самостоятельность и не более того. Естественно, я, боявшаяся вида засохшей крови в подъезде и не переносящая даже грязного пола, никуда не собиралась. У меня даже мыслей не было о том, чтобы покинуть свою уютную квартиру. А срок обучения в два года для меня казался целой жизнью. Все мои подружки поступили на разное дистанционное обучение со сроком не более нескольких месяцев, и я, если честно, очень завидовала им. А отказаться от РКУОСГП по своей инициативе уже было нельзя. Можно было только сразу записаться на “Курсы о взрослой жизни”, но этому мешала гордыня хорошо преуспевающей ученицы. Родители так радовались моему поступлению, пока не узнали об очной форме обучения. Я думала, что сделала что-то недостижимое, что мной стоит гордиться. Все эти чувства не позволяли мне даже рассматривать вариант отказа от обучения. По-детски я думала, что всё само как-то рассосётся, что я наберусь смелости и откажусь. С другой стороны, я чётко понимала, что мне не хватит решимости уехать из дома. Я была готова отказаться от обучения, но с родителями продолжала играть роль независимой гордой девочки. Мне было приятно с ними спорить и видеть, как борьба за меня сплачивает их. В какой-то момент я переиграла. Мама, восприняв мою детскую склонность к игре с родителями за серьёзное решение, собрала все мои вещи и дала денег на проезд со словами: «Вали! Сама ещё вернёшься». А папа?! Папа был безумно рад за меня, но иногда мне оказалось, что он больше радуется своей будущей свободе. В любом случае, он был со мной добр и мил.

Мое недопонимание, куда я попала, растаяло, как только я переступила порог РКУОСГП. Старое, местами ветхое здание училища было разделено на корпуса, плавно отходящие от главного здания словно расчёска. Там я узнала, что меня буду обучать профессии штурмана-радиста. Наш факультет особо оберегался воспитателями, так как у нас учились, в основном, девочки. Мне было не по себе первое время, так как приходилось общаться с огромным количеством людей. Более того, я, как сейчас бы сказали, долгие годы провела в заточении в башне и не знала очень многих бытовых тонкостей. Но быстро ворвавшись в среду своих сверстников, я перестала ощущать дискомфорт. Наше училище в техническом плане было самым отсталым, пожалуй, на всей планете. Мы учились на старых приборах, зато исписывали тонны бумаги сведениями о новых устройствах. Сколько трудов стоило мне начать быстро и

много писать от руки. Я, привыкшая к клавиатуре, мучилась до кровавых мозолей и боли в кисти. Вся эта муштра очень сильно помогла нам после выпуска быстро овладеть современными машинами без каких-либо серьёзных проблем. Только сейчас понимаешь, сколько труда было вложено в нас нашими преподавателями.

На двадцатилетие выпуска я встретила с нашим директором, и он сказал такие слова, которые вогнали меня в краску: «Очень рад, что из тысячи наших выпускников, в которых мы вкладывали в общей сложности миллионы часов работы, вышло несколько человек галактического масштаба. Таких, как ты». Он был прав – со всего моего потока в профессии мало кто удержался. Кто-то вообще шёл учиться для галочки, заранее зная, что никогда не будет работать по профессии. Некоторых уже заведомо ждали спокойные места на Земле.

Несмотря на техническую отсталость нашего учебного заведения, преподавательский состав был блестящий. Нас закаляли как бронь. Мы не замечали этого, охотно выполняли все требования и удивлялись, когда узнавали, что кто-то из сверстников в других учебных заведениях ссорится с преподавателями и отказывается что-то делать. Надо отдать должное, помимо основных знаний нам вбивали в голову огромный вагон прикладных наук, таких как физика, математика и т.д. Больше всего мне нравилось, что у нас были занятия физкультурой. Если честно, я в юности была не только скромной, но ещё и плюшкой. Дома активности у меня было мало. Занятия спортом мне пошли только на пользу, тогда я начала замечать на себе взгляды мальчиков. Занятия физкультурой у нас чередовались с занятиями по борьбе за живучесть космического судна. В старом допотопном макете корабля «Лунар» мы тренировались надевать на скорость спасательные скафандры, разыгрывали ситуации разгерметизации корабля и аварий различного характера.

Жили мы в общежитии по четыре человека в комнате. Иногда случались потопа из-за на ладан дышавшей крыши. Мы играючи выбирали дежурного, который вставал и выливал накопившуюся воду в вёдрах. Каждое препятствие мы устраняли по заданию преподавателей коллективно, что выработало в нас сплочённость, коллективный дух, и, главное, это способствовало развитию навыка сожительства. До сих пор думаю, что способность к сожительству является основополагающим качеством в космосе. Ты можешь быть крутым специалистом, но если не можешь находить общий язык с людьми, тебя никогда не возьмут в космос.

Закрутившись в море юношеских событий, я забыла про родителей и перестала им звонить и писать. Мама восприняла это как очередное предательство с моей стороны и, судя по письмам, очень охладела ко мне. А папа понял меня или ему было всё равно. Мужское сердце никогда полностью непостижимо для женщин. Моё невежество дошло до директора, после чего каждую пятницу вечером я приходила к нему в кабинет и писала письмо маме и папе, перечисляя все новости и успехи за неделю. Писать при этом надо было рукописно, «от души». Это я уже потом узнала, что мама до слёз зачитывала мои письма перед своими соседями, к которым навязывалась со своим одиночеством. В то время папа уже не жил с ней. А мне так было жалко этого часа вечером в пятницу. Время, когда мои подружки прихорашивались к вечерним посиделкам с мальчиками в актовом зале, я должна была тратить, как мне казалось, впустую.

Неожиданно быстро настал выпускной, обучение длилось всего два года. Прочитав первый раз «очная форма обучения, 2 (два) года» я и поверить не могла, что всё пролетит как один миг. И вот я уже свободная от всех студенческих обязанностей с дипломом Штурмана-радиоста-механика в руках. Механиком я стала потому, что, пока мы учились, изменилась программа обучения. Всех сотрудников космической отрасли обязали быть механиками. Логика этого нововведения состояла в том, чтобы в непредвиденном случае любой член экипажа мог починить какой-нибудь агрегат. Могла ли я что-то чинить? Конечно, нет, как и другие попавшие под эту реформу. Я знала только название агрегатов и могла их найти на картинке. А если говорить про экстренную ситуацию, то без специальных ключей отремонтировать какое-либо

устройство просто невозможно. Моими хрупкими ручками я могла открыть только бутылку молока. С банкой варенья уже приходилось ковыряться с ножом или кого-то просить.

Так вышло, что я одна из потока, втянувшись в учёбу, не побеспокоилась о своём будущем месте работы. Я наивно думала, что учёба будет всегда. Всегда будет весело и комфортно. Когда все хвалились, куда пойдут работать, пускай даже не по профессии, я отмалчивалась.

А идти мне было некуда. Мама после года одиночества нашла себе кавалера и переехала жить к нему на загородную дачу, сдав нашу квартиру в аренду. Папа находился где-то в другой стране. Я вспомнила слова матери «Сама ещё вернёшься», и мне стало страшно. «Куда ты потом с этими знаниями пойдешь, дура?!» – раз за разом прокручивалась в голове слова мамы. Переночевав последний день в общежитии училища, я отправилась в “Космическое представительство Земли”.

Вот так я без связей пошла в отдел кадров Космического представительства Земли. В Космическом представительстве посмотрели на меня с большим удивлением и доброжелательно открестились, сославшись на то, что им нужны только люди с опытом. А мой диплом, да и вообще я в целом ещё цыплёнок, которому в такой серьёзной организации делать нечего. Единственное, за что я благодарна этим неприятным жирным тёткам в отделе кадров, так это за совет идти в транспортно-космическое представительство «Свет звезды». Там берут всех. И я поехала в эту захудалую контору, где меня без лишних вопросов приняли на работу и утвердили сразу в должности Штурмана, без обязательной стажировки.

Раньше по лётному уставу обязанности штурмана и радиста были разными. Считалось, что минимальное количество людей на борту должно быть не менее четырёх (капитан, помощник капитана или штурман, радист и механик). Но я закончила учёбу в переломные годы, когда космические транспортные компании выиграла, лоббировав сокращение численности лётного персонала до двух человек, тем самым снизив свои расходы. Так вот я стала Штурманом, он же радист, и он же механик.

В идеале работа штурмана заключается в дуближе компьютера. Мы только осматриваем карты, показания оборудования и прочие конфигурации. По общему правилу, все задачи решаются в автоматическом режиме, куда больше времени штурмана уходит на отправки шифровок, если он выполняет функции радиста. Основной объём работы – это помощь капитану, выполнение приказов. Некоторые нас так и называют, используя грубое словечко “Штурпом” (сокращение от словосочетания “штурман помощник”). Официальные должности помощников капитана остались только на военных кораблях. Сделано это для установления иерархии подчинения, наличия второго лица с правом принятия ответственных решений, например, команды на открытие огня, на тот случай, если с капитаном что-то случится. За ремонт оборудования отвечает механик, он же техник, так что штурманы в основном должны быть на подхвате и постоянно анализировать происходящую обстановку, контролировать и обеспечивать связь. Конечно, иногда приходится заменять и капитана, но у меня на тот момент опыта самостоятельного пилотирования космического корабля ещё не было.

Хозяева транспортно-космического представительства «Свет звезды» набирали таких глупеньких выпускников как я без зазрения совести. «Свет звезды» – демпинговая компания на всём транспортном рынке в космосе, перевозит грузы за сущие копейки. Поэтому и зарплаты были крошечные, а корабли в ужасном техническом состоянии. Летали мы не дальше Луны. Но лучшего места получить хоть какой-то опыт сразу после учебного заведения не было. Хотя, сейчас мне известно, что у «Света звезды» был кадровый голод не только потому, что все бежали от них, но и из-за высокой смертности, которая утаивалась.

Меня определили штурманом на корабль «Великан». «Великан», построенный ещё в прошлом веке, представлял собой перекошенный броненосец. Сейчас я горда, что мне пришлось летать на этом динозавре. Он сыграл серьёзную роль в моей карьере. А тогда я забиралась в какой-нибудь укромный уголок “Великана” и ревела. Летая на нём, даже думать о краси-

вом маникюре не было смысла. Сломать ноготь и выпачкаться в какой-либо технологической жидкости было обычным делом. «Великан» был военным кораблём, побывавшим в нескольких серьёзных передрягах, и не раз реконструировался. После первой модернизации с него были сняты все силовые агрегаты, и он стал дрейфующей по орбите огневой точкой. Затем его модернизировали снова, поставили двигатели, и он превратился в санитарный госпиталь. Потом его выкупили на металл и хотели уже распилить, как снова перепродали, и он был переоборудован в грузовой корабль. По вмещающему в себя объёму груза он был хорош, но по технической части был «конструктором». То есть кораблём, который нужно постоянно чинить, чтобы он мог летать. Всё оборудование на нём стояло не родное. Из-за того, что в него повтыкали в качестве начинки сборную солянку по принципу «что дешевле, то и ставим», агрегаты плохо ладили между собой. Часто можно было видеть, как куски демонтированной системы гидравлики просыпались и из них сочились остатки жидкости. Корабль за пределами капитанского мостика представлял из себя очень убогое зрелище. Исключением была только внешняя обшивка корабля, являющаяся бронекорпусом. Она хорошо держалась, несмотря на свои годы, и постоянно подкрашивалась, создавая положительное впечатление о корабле со стороны.

Вот тут у меня растаяли радужные представления о профессии Штурмана. Самое сложное мне выпадало, когда отказывала электропроводка. Состоящую из скруток и спаек смесь новой и старой проводки частенько замыкало, из-за чего отказывали то рация, то радары, то другие приборы. Однажды из строя вышел туалет. Обидный дискомфорт. Когда выходила из строя рация, мне приходилось идти к обзорным иллюминаторам и подавать другим кораблям знаки флажками или сигнальными световыми огнями, если они работали. Вот тут мне очень сильно пригодились прикладные знания из училища. Когда физрук заставлял нас посылать друг-другу на расстоянии ста метров сигналы флажками, все ржали, никто даже не предполагал, что будет этим пользоваться так часто. А мне в те моменты было совсем не до смеха.

Приставку «механик» в своей профессии я ненавидела больше всего. «Свет звезды» не только мало платил, он ещё экономил буквально на всём. Мне казалось, что именно «Свет звезды» пришёл в Министерство наук (или как там оно правильно называется) и попросил, чтобы всех, вне зависимости от профессии, учили на механиков. И так, из положенных на нашем торговом судне двадцати человек экипажа работало только пять. И это с учётом постоянно отказывающей электроники. В качестве механика мне приходилось чинить какие-нибудь агрегаты. Мой ремонт заключался в том, что я стучала по вышедшей из строя запчасти и проверяла контакты.

Дед, так мы называли нашего капитана, седого старичка, отлетавшего своё по горло, но вынужденного по какой-то причине работать, так мне и говорил: «Катюх, иди пни эту ...». Мне до сих пор кажется, что «Великан» летал только благодаря опыту Деда. Он работал в «Свете звезды» за копейки, как и все мы. По состоянию здоровья в нормальные компании его уже не брали. А он ювелирно, чувствуя габариты корабля без половины работающих датчиков, точно вставал в портах под выгрузку или загрузку.

Когда Дед просил меня пнуть что-нибудь на корме, я вздрагивала. На корме был уютный наблюдательный пункт, с не выкорчеванными безжизненными, а родными пультами управления, которые выдавали военную судьбу корабля. Мне нравилось прикасаться к этим испорченным пультам, представляя, что я принимаю важные решения для команды и корабля. Но чтобы туда дойти, надо было шлепать по верхней палубе, состоящей из медицинских кабинетов. По какой-то бюрократической причине «Великан» официально считался не грузовым, а санитарным судном. Конечно, сделано это было умышленно, чтобы получить лётные документы без серьёзных проверок и головных болей. Верхнюю палубу оставили без изменений. Она представляла собой большое пространство с футбольное поле, уставленное кроватями для больных. Сбоку от кроватей были отдельные кабинеты с табличками «Перевязочная № 1, 2, 3...», «Операционная». Для экономии на верхней палубе отсутствовал свет, поэтому переме-

щаться по ней нужно было с фонариком. Мне было страшно ходить по ней, и я каждый раз пыталась пробежать всю верхнюю палубу с закрытыми глазами, частенько из-за этого спотыкалась о что-нибудь или налетала на углы кроватей. Всё, что было ниже верхней палубы, было безжалостно вырезано и превращено в огромный грузовой отсек с установленным там козловым краном. Ходили слухи, этот козловой кран был украден в каком-то порту. Не знаю, насколько это правда, но его серийные номера были действительно сбиты. В трюме на рампе, во время перелётов бездельничал крановщик, стропальщик и начальник грузового отсека, он же завхоз. Мы с Дедом всех их без разбору называли грузчиками. У грузчиков с Дедом был какой-то давний конфликт, что чувствовалось, потому что очень чётко была разграничена территория. Дед никогда не спускался в грузовой отсек, а они никогда не ходили на капитанский мостик. Дед мучился болью в ногах, поэтому он вообще далеко и много не ходил, но зато меня гонял везде. А я не сопротивлялась и даже с радостью наливала ему чай и кофе. Мы очень хорошо сработались с Дедом, и он начал меня сажать за штурвал, уходя сам в небытие, сладко посапывая в своём потёртом кресле. Не могу сказать, что это был мой первый самостоятельный опыт пилотирования, так как даже в дрёме Дед прекрасно чувствовал корабль. И если я что-то делала не так, он тут же открывал один глаз, оценивал обстановку и давал свои команды.

Иногда «Великан» начинал с нами разговаривать. Так мы называли моменты, когда корпус корабля поскрипывал. Это были очень страшные и в то же время торжественные звуки. Когда мы их слышали, невольно останавливали любой разговор и прислушивались, пытались расшифровать, что хочет нам сказать корабль. Когда звуки затихали, Дед говорил, что сейчас что-то обязательно сломается. На мой вопрос, откуда он знает, Дед отвечал: «Не слышала, что ли?! Великан предупредил!». Действительно, что-то ломалось, но в этом не было никакой мистики. Причиной скрипа являлись какие-то подвижные части обшивки, при их движении внутренние коммуникации могли смещаться и выходить из строя.

Когда мы стояли на ремонте, экономный «Свет звезды» перенаправлял нас на другие корабли. То есть меня одну, потому что капитан должен всегда оставаться с кораблём. Пару раз меня направляли в депо для проведения ремонтов. Приходила я туда в прекрасном настроении и чистой, в конце дня уходила злая и грязная. Чёртово слово «механик» в моём аттестате не давало мне покоя и тогда. Хоть я и была хрупкой девушкой, моему присутствию в Депо были очень рады. Мне поручали почти всё, что не требовало грубой силы, а именно: пайку контактов, ремонт маленьких запчастей, «где без женских пальчиков не обойтись», подачу инструмента, доставку запасных частей, мытьё и дезинфекцию. Проще говоря, я была разнорабочей. Если бы у «Света звезды» в Депо был полный кадровый штат, вряд ли меня бы допустили до ремонта. Скорее всего, просто усадили бы пить чай в каптёрке. А меня встречал мастер с выпученными красными глазами, говорящими сами за себя: «Прошу помощи, сделай хоть что-то! Не успеваем!».

Между полётами я жила на съёмной студийной квартире рядом с грузовым космодромом имени Владимира Маяковского. Позже, по причине хороших отношений с Дедом, он предложил мне переехать жить на корабль, но был тут ещё и денежный мотив. Согласившись жить на корабле, чтобы сэкономить на съёмном жилье, куда я выбиралась очень редко в межполётное время, я приятно удивилась увеличившейся зарплате.

Оказывается, Дед не просто разрешил мне жить на «Великане», но и записал меня в смотрители корабля, что подразумевало прибавку к основному жалованью. Теперь на меня возлагалась огромная ответственность. Ко мне пошли грузчики с претензиями, что тут что-то не работает, там что-то отказало. Я уже начала злиться на Деда, но неожиданно он заступился за меня после пары моих недовольных рассказов. Включив громкую связь с грузовым отсеком, он отборными нелитературными выражениями объяснил, что все технические неисправности должны отмечаться в специальном журнале. А если будут продолжать поступать устные жалобы и просьбы, то он случайно откроет грузовые ворота в космосе. Больше жалоб не было.

Деду поверили и правильно сделали! Ему, согласившемуся со своими болячками летать на не более здоровом судне, терять в этой жизни было уже нечего.

Я бы так и летала на «Великане», если бы не Дед. За моей спиной он написал мне хорошую рекомендацию и направил к своим товарищам в «Торг-ресурс-имитед». Можно сказать, что Дед выпроводил меня пинком. После моего ухода он летал недолго и, со скандалом разорвав договор, ушёл на работу охранником в коммерческих депо. В то время он уже совсем плохо ходил, но просто уйти на пенсию не хотел.

Без Деда «Великан» погиб в первом же рейсе. Не пристрелявшийся, как сказал бы Дед, капитан из-за отказавшей электроники протаранил портовый шлюз на Луне. Начались разборки, дошли до бортового журнала и технического состояния корабля. После этого инцидента я очень сильно переживала, что из-за грёбаной приставки к своей должности «Механик» могу попасть под выговор аттестационной комиссии, которая и так каким-то образом допустила меня к полётам без стажировки. Эх! А вообще «Свет звезды» умел лепить документы, да ещё какие. Часто мы возили санкционные, запрещённые товары под видом какого-нибудь лома. А из-за ветхости нашего корабля к нам боялись стыковаться даже таможенные проверяющие. Дед рассказывал, это ещё до меня было, однажды он шёл по обычному маршруту к Луне и ему решили учинить облаву. На горизонте появился таможенный корабль с требованием о проведении проверки груза. Дед разрешил стыковку. Таможня пришвартовалась и провела опрессовку шлюза, чтобы попасть на сам «Великан». А вот открыть шлюз не смогли. Почему шлюз отказал? Потому что заклинило электродвигатель, прикреплённый обычными саморезами взамен предусмотренной родной конструкции гидравлического привода. Скорее всего, электродвигатель сместился с помощью третьих рук, но это уже другая история. Таможенники ругались долго, но потом взбесились окончательно, так как уже не могли не только закончить стыковку и организовать досмотр, но и отстыковаться, чтобы улететь по своим делам. На «Великане» заели притягивающие устройства, которые, как оказалось, тоже были запитаны от электродвигателя, как и сам шлюз. Так таможенники и летели вместе с «Великаном» до самой Луны. Естественно, «Свет звезды» пресёк конфликт на корню.

Переживая за проверку, я была удивлена хитрости Деда, который всю информацию по кораблю дублировал в отдел Технического надзора Космического представительства, который по своей халатности или умыслу не замечал плачевного состояния «Великана».

Конфликт, случившийся в последнем рейсе «Великана», замаяли, но корабль больше не летал. Однажды прогуливаясь на Лунном космодроме в кратере Вавилова, я увидела вырисовывающийся из кучи хозяйственных построек знакомый силуэт корабля. Подойдя вплотную к этому муравейнику, я с мурашками на теле узнала «Великана». Он снова был на службе, правда, совсем в непривычном для космического корабля амплуа. Его переоборудовали в ангар для починки более мелких кораблей, срезав часть фюзеляжа. На месте капитанского мостика расположили бухгалтерию и кабинет начальника производства, верхнюю палубу перестроили в общежитие. А ворованный, по легенде, козловой кран стоял на своём привычном месте.

В «Торг-ресурс-имитед» мне работалось хорошо, но чертовски скучно. Став элитой торгового космического флота, я получила крутой скафандр с эмблемой организации и приличную зарплату. Приставка «механик» больше не доставляла мне хлопот. Летала я в должности радиста и больше своих полномочий не выполняла, так как для этого были другие люди, которые получали за это свои деньги. Возили мы, в основном, ископаемые ресурсы всё также между Луной и Землёй, изредка летали на спутник Марса Деймос. Было безумно скучно.

IV

В «Торг-ресурс-имитед» у меня были шикарные условия. Наконец-то я радовалась своему маникюру, чистому и ухоженному виду. Я перестала уставать, у меня появилась куча свободного времени. Перерабатывать было нельзя, и после каждого полёта мы должны были отдыхать. Своё положение я заняла благодаря Деду. Директором «Торг-ресурс-имитед» был его друг. Почему Дед не пошёл работать к своему другу в «Торг-ресурс-имитед», а предпочёл работать на «Великане», для меня осталось загадкой. Предположу, что дело было в характере моего первого капитана, чья душа требовала полётов до последнего вздоха, и только одно представление о бесполётной профессии вызывало у него грусть.

В Космическом городке между старым и новым городом я сняла себе однокомнатную квартиру. Свободное время проводила в домашних хлопотах, встречах с друзьями по училищу и походами в Кают-компанию.

Кают-компанией и по сегодняшний день на нашем космическом жаргоне называется большая библиотека в Доме космонавтики.

В общем зале Кают-компания было кафе со столиками, окружёнными мягкими диванчиками. Кафе отличалось прекрасным меню из всевозможных космических блюд, которые только можно встретить в самых далёких колониях, и, конечно, там играла живая музыка.

Над кафе располагается огромная библиотека с рабочими столами и учебными классами. Предполагалось, что лётный персонал там будет аккумулировать знания и проводить досуг. Конечно, популярнее оказалось второе.

Одним вечером мы встретились в Кают-компании с одноклассниками из училища. К сожалению, а может быть, и к счастью, в профессии остались только я и моя подруга Вика. Вика сделала шикарный ход конём: не пошла сразу работать, а решила получить высшее образование. По её воспоминаниям, после ежедневного штудирования в училище учиться в институте было очень легко. В институте она получила профессию диспетчера и нашла работу в космодроме. Диспетчер – очень ответственная профессия. Это те Люди, которые дают указания нам – Штурманам и Капитанам, постоянно следят за порядком на стартовых площадках, разводят маршруты космических кораблей, предотвращая риски их столкновения.

Остальные мои одноклассники совсем разочаровались в профессии. Отработав в среднем пару лет, все они нашли себе достойные земные профессии. Торчать в воздухе, даже за неплохие деньги, когда в жизни надо сколько всего успеть, конечно, не очень продуктивно.

Вот и меня, как бы ни завидовали мне друзья, моя работа не устраивала. Да, я имела хорошее жалование, помогала родителям, сама жила неплохо, но каждому возрасту, каждому жизненному этапу соответствует своё поведение. Мне уже хотелось свою семью, мужа и детей.

Как всем девчонкам, хотелось стать принцессой в свадебном платье и, конечно, мамой. Много времени я проводила в длинных перелётах, создавать семью было некогда. А работа просто утомляла, мне было скучно в «Торг-ресурс-имитед». Я ведь привыкла постоянно работать головой, двигаться и разрешать разные технические задачи. На всех кораблях «Торг-ресурс-имитед» была установлена аппаратура со встроенным программным обеспечением на основе искусственного интеллекта. Программа навигации сама отправляла заявки диспетчерам и другим кораблям, корректировала курс космического корабля и рассчитывала прочие данные. И сама перепроверяла свои же данные. Мне приходилось только наблюдать за работой этой программы. Временами мне не хватало того напряжения, которое было у меня на «Великане». Адреналина, когда стоишь около обзорных иллюминаторов и флажком или светом передаёшь шифр. Беспкоишься о том, чтобы Дед ровно сел на стартовую площадку или разминул со встречным кораблём, чтобы корабль и ты не были травмированы.

В тот самый вечер встречи с одноклассниками я думала о том, что мне хочется свою семью. С неба упала звезда и я нечаянно загадала желание. Судьба решила дать мне шанс или урок. Больше объяснений на этот счёт у меня нет.

Оркестр с унылой классической музыки перешёл в инструментальный поп, и все хлынули на танцевальную площадку. Когда я кружилась в очередном танце, ко мне, пританцовывая, подошёл привлекательной внешности мужчина. Постеснявшись его, я решила ретироваться и ушла за наш столик. Позже на веранде, куда я вышла подышать летним прохладным воздухом, мужчина подошел ко мне ещё раз и представился Михаилом. У нас закрутился роман. Михаил был крупного телосложения с огромными ладонями. Я любила рассматривать его руки. Мне казалось, что такими ручищами можно было перемолоть всё на свете. Мне безумно нравилось, когда моя шёлковая беззащитная ладошка тонула в грубой, сильной и бездонной ладони Михаила. Мы быстро нашли общий язык и стали жить на моей квартире.

Михаил работал механиком в «Пегасе», компании, занимающейся пассажирскими перевозками и перемещением небольших грузов. Михаил работал на Земле, выполнял техническое обслуживание и блочный ремонт космических кораблей.

Любила я его безумно, казалось, на всём белом свете нет больше такого человека, за которого я готова отдать всё! Всю себя. Мы могли часами молчать, обнимая друг друга, дурачиться и путешествовать. Мы любили уезжать куда-нибудь на выходные и поступали так всегда, когда они совпадали у нас. Он дарил мне огромные букеты роз и бесперебойно ухаживал за мной. Я легла на курс безграничного счастья.

Сейчас я вспоминаю эти события, и у меня уже нет тех чувств, которыми я была охвачена. Знаю, что любила сильно, а как сильно, уже и не вспомнить. Спустила столько лет думаю, к роману, скорее всего, подтолкнуло меня одиночество. То самое одиночество, которое часто выворачивает мозги одиноким людям. Помните эту прекрасную юмореску: «Одиночество – опасная штука. Не зря говорят, что от одиночества люди пропадают. Один мой знакомый уехал от одиночества после работы в Волгоград, а второй взял и один оказался в Джугбе. Но всех дальше забрался третий – он женился».

Тогда я, ослеплённая женским счастьем, не воспринимала ревностные приступы Михаила всерьёз, они меня только смешили. В те дни я ещё не знала, что ревность – это болезнь. Провожая меня в рейсы, он всегда подвозил и крепко целовал на прощанье. Я воспринимала это с огромным умилением. Но потом начался ад.

Наверное, это нормально, когда счастье сменяется чем-то плохим, иначе бы у него не было ценности, так как не с чем было бы сравнивать. Он писал и звонил по сто раз в день, спрашивал, чем я занималась поминутно. Поначалу мне казалось, что так и должно быть, но потом меня начинало трясти, когда он звонил, а мой корабль попадал в зону действия орбитальных антенн. У меня складывалось ощущение, как будто он звонил мне постоянно, не отрываясь. Наши разговоры были утомительны, мы задавали друг другу банальные вопросы и получали на них такие же банальные ответы, мы могли делать паузу и молчать в трубку несколько минут, а затем просто прощались. Какой смысл звонить и писать, если мне совершенно нечего ему рассказать? И ему самому мне тоже нечего рассказать... Может быть, один раз в день, но не каждый же час?! И всё же я думала, что это нормально. Однажды я вернулась с рейса, и Михаил устроил мне скандал, потому что заметил, как я на прощание обнялась с командой. Прощальные и приветственные обнимашки были у нас традицией, сложившейся задолго до меня. В те выходные он постоянно ругал меня и бросал презирающие взгляды, словно застукал меня за изменой. А теперь ему приходится переступать через свою мужскую гордость, чтобы простить меня. Прямо противно, как вспомню! Фу! Истеричка!

Все эти его сцены, оказывается, преследовали конкретные цели. Кстати, о них он мог сказать прямо, не поднимая мне нервы. Он хотел, чтобы я завязала с рейсами и нашла работу на Земле, чтобы больше проводить время вместе. И что вы думаете?! Я согласилась и угодила

к пауку в банку. Но в то время я была готова на это, и мне это казалось логичным и соответствующим моим жизненным целям.

К большому счастью, у нас в «Торг-ресурс-имитед» открывался новый экспедиционный отдел на Земле. Задачей отдела было развитие инфраструктуры на дальних маршрутах. Меня взяли работать специалистом по организации радиосвязи, можно сказать, почти по профессии. Настало самое идеальное время в наших отношениях! Я с головой утонула в новой интересной работе, проектируя с коллегами развитие радиосвязи, согласовывая места установки радиомаяков. Вся важная и деловая на работе, я любящая и бесхребетная спешила домой, чтобы превратиться в единственную и заботливую девушку. Он заезжал за мной на работу, мы вместе ехали домой, обменивались какими-то мелкими новостями и обсуждали прохожих. Мы уже начали планировать свадьбу, как меня немного повысили на работе, предложив заняться короткими разведывательными экспедициями в качестве начальника штаба экспедиционного отдела. Вместе с Мишей мы приняли положительное решение о моём повышении, так как нашей семье нужны были средства. Мы хотели завести ребенка, поэтому нам нужно было накопить некую подушку безопасности, чтобы чувствовать себя уверенно пару лет после рождения малыша.

Прокладывая маршрут до планеты «И-5-А-8», мне и моим коллегам нужно было установить на одной невзрачной планетке, расположенной по пути, радиомаяк, чтобы космические корабли могли поддерживать связь с Землёй и между собой в реальном времени. Несмотря на отсутствие на планете явной жизни, у неё была атмосфера, и уже давно работали коллеги биологи из Космического представительства Земли.

Заодно, решая вопрос об установке на этой планете радиомаяка, наша фирма вызвалась доставить биологам какое-то оборудование. Меня туда отправили для приёмки выполненных работ у Подрядчика. Задача в теории была достаточно лёгкой, так как всё оборудование представляло из себя уже скомбинированный на заводе-производителе контейнер, который по факту следует только правильно установить на твёрдую поверхность, подключить аккумуляторы с солнечными батареями и произвести настройку программ. Дополнительно со стороны подрядчика требовалось изучить возможные природные воздействия на оборудование, например, оползни или затопления, задокументировать всё в своём экспертном заключении и предпринять меры по недопущению этих рисков. А мне нужно было только убедиться в правильности установки оборудования, соответствии документов действительному положению дел и провести пробный сеанс связи с обменом данными. Установка таких радиомаяков позволяла обмениваться информацией и сообщениями на всём протяжении маршрута судов без задержек во времени.

Более того, на этой невзрачной планете из-за благоприятной обстановки был разбит аварийный лагерь, что сулило планете большое космическое будущее. Аварийный лагерь – это место, где в случае поломки космического корабля можно было найти временный приют.

Не предвещающая ничего плохого командировка аукнулась огромным зигзагом в моей жизни. Несмотря на благоприятную атмосферу на планете, наличия биологов из Космического представительства Земли, организованного аварийного лагеря, было огромное количество неизученных бактерий и вирусов. Об этом нас никто из-за обычной халатности не предупредил.

На поверхности планеты нас встретили биологи и тут же, покрутив пальцами у висков, объяснили, что нам нужно переодеться в скафандры специального биологически-защищённого типа. Не знаю, кого в первую очередь спасали биологи (нас или планету), но правила есть правила, и мы выполнили их предписания. Тем более они являлись работниками Космического представительства Земли, курирующего все наши передвижения. Это сейчас на той планете хорошая колония и люди там шастают без скафандров, а тогда вопрос о постоянном нахождении на этой планете людей только изучался.

Оформив все бюрократические проволочки, мы торжественно перерезали ленточку и запустили в работу радиокомплекс. По традиции, на открытии нового радиокомплекса принято разбивать об контейнер бутылку шампанского, и она у нас была припасена, но вышеупомянутые биологи запротестовали. Пришлось эту бутылку выпить всем вместе в дружной компании.

На обратном пути меня начали беспокоить некоторые симптомы. Я ещё не до конца понимала всю пикантность происходящего, но решила, что по прилёту обязательно обращусь к врачу. И что случилось?! С того дня я до сих пор не долюбиваю биологов. Вышеупомянутые персонажи доложили о нашем выходе на планету без специальных скафандров, и нас отправили на карантин. Конечно, они сделали всё правильно, но в тот вечер за бокалами с шампанским могли хотя бы предупредить о своём решении. В общем, шампанское выпили, а про свои помыслы промолчали. Вроде бы в этом нет ничего плохого, но по мне это грубо противоречит принципу командного духа космической отрасли.

На обратном пути на промежуточной станции нас встретили военные и отправили в зону карантина, где только у меня одной обнаружилось венерическое заболевание. В каком я была шоке, не описать никакими словами. Я проклинала Михаила, ведь других вариантов в моей голове не было. Свой гнев я изложила ему в очень деликатном сообщении. В любом случае, мне нужно было ему сказать, что я задержусь.

Военные устроили нам хороший карантин, самый максимальный в сорок пять дней, с регулярной сдачей промежуточных анализов.

Ревела я тогда много, мне даже начали колоть успокоительные. Молодой врач с итальянскими усиками грозился ввести в искусственную кому. А у меня же любовь, семья, дом, свадьба на носу, какой карантин?!

Ответ от Михаила не заставил себя ждать. Он обвинил меня во всех смертных грехах. Писал мне без остановки, обвиняя и унижая. Я уже начала ему верить. Единственное, что мне мешало обвинить себя, – я не могла в себе сомневаться. В итоге Михаил расстался со мной демонстративно, поделившись видео о том, как собрал свои вещи и уехал.

Мне было тошно и обидно. Уже пошла вторая неделя карантина. Большая белая палата и пустота. В моем доступе было в принципе все, чем я бы могла пользоваться на свободе. Друзья могли посещать с помощью голограмм, были книги, фильмы. Все, что пожелаешь. Было всего два минуса: еда, которую ужали только до полезных продуктов, ну и медицинские процедуры. Чтобы я не прыгнула с ума от окружающей меня пустоты, ко мне посылали игровых киборгов. Иногда со мной через карантинное окно разговаривал людской персонал, в том числе и молодой врач с итальянскими усиками. Но когда я оставалась одна, на меня накатывала грусть и обида. Эта сволочь, Михаил не поверил мне и бросил... Бросил меня! И как я сразу в нем не разглядела гнильцо, даже ненавистное мне слово «механик» в его профессии ничего мне не подсказало. Я ведь была с ним честна и ожидала от него того же и поддержки. Мои мечты о семейном счастье разбились одномоментно.

Видимо, зная о моих неприятностях на личном фронте, ко мне стал чаще приходиться усатый врач и шутить на разные темы. Как позже выяснилось, его звали Олег. Олегу было около тридцати пяти лет, он не был стар, хотя и рассказывал какие-то древние несмешные анекдоты, но даже это меня спасало и отвлекало от обиды и одиночества.

Может, карантин этот к счастью. Так я не успела расцарапать Мише лицо.

Было еще чувство стыда перед медицинским персоналом: они однозначно подозревали меня в том, чего я не совершала, как и бывший молодой человек. Вирусолог, кстати, заинтересовался моей историей и пообещал изучить анализы. Свое слово он сдержал, и я ему благодарна. Он даже какое-то научное открытие сделал, скинул мне на память свою статью, но до сих пор времени так и не нашлось прочитать. Да и брезгливо читать про себя в роли подопытного.

А в те дни карантина я была вне себя и допытывала киборгов глупыми вопросами: «что такое любовь?», «почему он меня бросил?» и так далее. Дуреха. У меня был большой нервный

срыв. Очень большой. Гигантский, если бы не больничка, я бы съела все сладости в городе и Мишу. Мишу обязательно.

Слабость человека в том, что он может одушевлять все: предметы, людей, роботов, эмоции, отношения и даже мысли. Бог создал человека, наделив его сознанием, и человек пытается делать то же самое. Это наша слабость – видеть человека и другие вещи, основываясь на своем опыте и представлении.

По окончании карантина я была уже готова менять работу, подозревая, что, если меня не оправдает наука, то девушка с плохой репутацией не нужна ни на одном космическом корабле. Хотя, с другой стороны, мужики, наверное, были бы не против иметь девушку с такой репутацией на своем корабле. Сейчас известно, что заболела я из-за долбанного неизвестного вируса, который изобилует на той планете, а не из-за моей легкомысленной жизни. Этот вирус уже хорошо изучили и подтвердили, что он имеет такой странный венерический эффект. А тогда все мои попытки доказать, что у меня не было никакой интимной близости, были напрасны, потому я не решалась тратить силы и с пеной у рта доказывать свою невиновность.

V

Как только я вышла из карантина, с работы мне сообщили о направлении в командировку в должности Штурмана в качестве замены штатного сотрудника на исследовательском космическом корабле «Лавина».

«Лавина» была популярным в то время космическим кораблем проекта «Вектор-7». Корабли типа «Вектор-7» были мне хорошо известны. В свое время я даже принимала участие в их ремонте. «Лавина», в отличие от простых кораблей этого проекта, была напичкана разным исследовательским оборудованием. В зависимости от целей миссии исследовательское оборудование добавляли, меняли или демонтировали.

«Лавину» еще до этой экспедиции я видела лично, правда, на каком космодроме, уже не помню. Капитаном Лавины был Иван Матвеевич, бородастый многодетный капитан-одиночка. Пока его семья грелась на Земле под лучами солнца, он бороздил холодный космос, хорошо обеспечивая ее. Иван Матвеевич начинал работу с орбитального курьера и вот с сединой в бороде уже руководил исследовательским судном. Сам по себе он был чудным дядькой, пару раз мы вместе пили кофе. Много чего он видел за свою жизнь и знал миллион увлекательных историй. Других участников экспедиции я лично не знала. Фамилии были незнакомые, все учёные, в основном инженеры и робототехники. Цель экспедиции была очень простой – визуализировать магнитную аномалию и проложить мимо нее маршрут. Если коротко, то это разведка.

На планете «Т-151 В189» начиналась разработка природных ресурсов, и туда уже отправили первую часть оборудования для строительства колонии. Чтобы транспортировать ресурсы, надо было наладить транспортную связь, а для этого в первую очередь нужно проложить маршрут. Наиболее короткий, экономически выгодный и безопасный. Маршрут, который будет меньше всего пересекаться с другими путями и потребует меньше времени и сил на регулирование движения. Наиболее выгодный вариант маршрута упирался в неизученную магнитную аномалию, которую смогли нащупать с помощью специальных приборов. Из описания задачи выходило, что ученые представляют эту аномалию как скопление астероидов, состоящих из веществ, создающих электромагнитное поле.

Задача нашей экспедиции – увидеть вживую эту аномалию, сфотографировать ее, при возможности взять пробы с поверхности небесных тел, провести замеры специальным оборудованием. А дальше уже на Земле будет принято окончательное решение, расчищать этот путь от магнитной аномалии или нет. Если расчищать, то как именно. Например, можно было все растащить или взорвать. В этом случае все зависело от количества этих астероидов и других помех. Или магнитную аномалию в виде скопления астероидов можно было переработать на полезные ресурсы. А можно было просто сформировать другой маршрут, обогнуть аномалию, но для этого надо было знать характеристики и границы электромагнитного поля.

Отдельным вопросом в задачах экспедиции было выявление влияния магнитной аномалии на приборы космического корабля и здоровье экипажа. Вышеуказанные задачи не особо касались штурмана. Полет должен был быть рядовым. Лети, смотри в бесконечный космос, слушай любимую музыку и тоскуй по утраченной любви. Вот что я ожидала получить от этой экспедиции – наслаждение одиночеством и тоску по несбывшейся мечте. Короче говоря, “святая грусть”.

VI

Перспективы вырисовывались хорошие. Надо было только заехать домой, сама не знаю, зачем. Убедиться в том, что Михаил точно съехал и не ждет меня дома. Или просто надо было куда-то съездить, чтобы занять время. В оправдание своего желания я придумала повод – забрать некоторые личные вещи. Хотя всю нужную экипировку, в том числе вещи личной гигиены, как обычно, предоставлял работодатель. А ещё я решила романтично разбить прикроватное фото с Михаилом.

Так и сделала. Не разуваясь, прошла в спальню и со всей силы кинула нашу фотографию на пол. Она отлетела в стену и разбилась. Раздался слабый гул и из стены выехал «Жора», мой робот-уборщик и начал собирать осколки, предварительно спросив, надо ли склеить или починить вещь. Я попросила выкинуть, а потом вырвала из его всасывающего сопла саму фотографию и, не обращая внимания на его панические визги об ошибке вперемешку с уточняющими вопросами, прошла в уборную. Там, предварительно разорвав фотографию, смысла ее в унитаз. Затем проверила комод, где обнаружила на прежнем месте часть вещей Михаила. Мне было непонятно, если он меня послал и бросил, то почему не до конца прибрал свои вещички с моей квартиры?! «Получишь у меня», – подумала я и, собрав его вещи в большой мусорной мешок, активировала робота-охранника. Перепрограммировав коды доступа, я дала задание системе охраны вернуть ему мешок с вещами, швырнув в лицо. А сама поспешила в Космический городок, чтобы быстрее попасть на стартовую площадку.

Мне хотелось, как можно скорее окончательно забыть и не думать о своем разбитом сердце и об этом уроде, который, не разобравшись, по телефону обвинил меня в измене и бросил.

Космический городок тогда был всего один, это сейчас их несколько. В нем кипела всю ненаучная жизнь. Сам городок мне не нравился, он ничем не отличался от обычного города с квартальной застройкой, наполненной торговыми центрами с озабоченными домохозяйками и шмыгающей без дела шпаной. Зато уже на территории хотя бы «Зоны Д» чувствовался тот самый научный потенциал.

Я не стала задерживаться в самом городе, даже в обычные дни на это не бывает настроения, а сейчас тем более. Бродить тут бессмысленно, хотелось сразу уже приступить к работе, чтобы окончательно забыть.

Для прохода на космодром к стартовой площадке, куда мне следовало прибыть по направлению, я воспользовалась ближайшей ко мне рампой. На проходе через рампу скопилась небольшая очередь. Люди, стоящие передо мной, нервничали, обсуждали какие-то покупки, попеременно нелестно высказывались в адрес своего начальника. Подойдя к рампе, я представила свой паспорт и номер направления, выданный на работе.

Полненькая женщина-хохотушка сменила свой вид и с издевкой сказала, что мне нужно следовать на другую рампу, так как у меня направление в Зону «Б». Я перепроверила зону в направлении, и сама себе удивилась: действительно, в графе «зона допуска» стояла четкая буква «Б». Она даже по цвету отличалась от других, была зелененькая. «Черт!», – выругалась я про себя. Я никогда не была в Зоне «Б», максимум добиралась до «В», куда попала как-то при посадке «Великана», который вез что-то для ученых.

Почти весь торговый флот, в том числе и моей компании, стоял в Зоне «И». Исключением были пассажирские суда, паркующиеся в Зоне «Д», и специализированные суда с нестандартными габаритами или грузами, под которые определили Зону «Г». Зона «А» была исключительно для военных, а «Б» и «В» по какому-то внутреннему принципу делились Космическим представительством Земли между дипломатами, государственными органами и прочими

структурами. Конечно, я слышала, что в Зону «Б» организованы отдельные рампы, но никогда ими не пользовалась.

Я забрала свои документы из пухленьких ручонек дежурной, последняя пару раз фыркнула себе под нос. Женщина почему-то возмущалась не такому уж и курьезному случаю. Ошиблась, с кем не бывает!

В Зону «Б» надо было добираться с пересадкой на другой конец города. Чем сложнее пропускной режим в Зону полетов, тем меньше количество рамп и напряженнее досмотр. К счастью, рядом был нужный мне монорельс. Я добралась до нужного мне места всего с одной пересадкой на магнитном трамвае.

Дорога далась мне с большим нетерпением, казалось, что транспорт едет очень медленно. Меня стали понемногу беспокоить мысли, чем я заслужила такой авторитет, что меня отправили в Зону «Б», но этим мыслям я не придавала особого значения.

Проход на рампу Зоны «Б» отличался от других рамп, которые мне удавалось встречать. Здесь проводили полный анализ организма на сканере, дезинфицировали туманом и, в конце концов, переодевали в повседневную рабочую форму. Все это после карантина было для меня не страшно. Сама по себе рампа Зоны «Б» была в несколько раз больше и выглядела серьезнее предыдущей и в тоже время веселее благодаря хихикающим полненьким вахтершам.

Меня встретили две разговаривающие между собой женщины. Я отвлекла их в тот момент, когда они обсуждали, как правильно варить суп любви – “Борщ”, и как за кулинарные изыски их хвалят мужья. В этот момент я почувствовала, что готова зареветь, но из последних сил почти сдержалась. Одна подлая слезинка все-таки скатилась по моей щеке. Эх, даже такой мелочи не заслуживал этот негодяй Михаил. Одна из женщин, похоже, заметила это и мило улыбнулась. Наверное, подумала, что я грущу потому, что из-за дальнего полета приходится надолго покидать родной дом – планету Земля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.